

Анатолий Андреев

**СКВОЗЬ МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ —
ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА**

Книга стихов

Минск
«Колорград»
2018

УДК 821.161.1(476)-1
ББК 84(4Бей=РУС)-5
А65

Андреев, А. Н.

А65 Сквозь Млечный Путь — железная дорога : книга стихов / Анатолий Андреев. — Минск : Колорград, 2018. — 84 с.
ISBN 978-985-596-078-3.

Книга стихов Анатолия Андреева (р. 1958) — известного литературоведа, культуролога, прозаика — родилась неожиданно и, казалось бы, немотивированно. Ещё год назад её не было и в помине, а вот сейчас она издаётся.

Но чудес не бывает. Прежде всего — в стихах. Значит, стихи жили в душе автора. Он с этим боролся. Не получилось. Зато получилась книга.

В стихах много мыслей, следовательно — умных чувств, немало парадоксальных прочтений хорошо известных жизненных ситуаций. Стихи разные: от гекзаметров до верлибров. Всего понемногу. Завершает книгу новелла в стихах об Александре Маринеско, герое-подводнике, — многоплановое полотно о философии подвига.

Адресуется узкому кругу почитателей.

**УДК 821.161.1(476)-1
ББК 84(4Бей=РУС)-5**

ISBN 978-985-596-078-3

© Андреев А. Н., 2018
© Оформление. ООО «Колорград», 2018

АВТОПРЕДИСЛОВИЕ

Мне кажется, моя книга стихов — несколько необычна, чтобы не сказать неправильна.

Вот и Предисловие к ней тоже будет неправильным — необычным, если угодно.

Во-первых, Предисловие пишется мною, автором; во-вторых, пишется оно с неприличной поспешностью — тогда, когда книга еще не только не сложилась, но и попросту не написана до конца (и неизвестно, будет ли дописана, правда, правда); в-третьих, я не собираюсь при этом кокетничать и/или напрашиваться на комплименты; в-четвёртых, не собираюсь никому ничего разъяснять.

Поэты почти всегда преувеличивают значение предисловий, полагая, что от того, как их представят публике, будет зависеть ценность книги. В профиль, анфас, в выигрышном ракурсе. На выгодном фоне. Ещё как-нибудь.

Они уповают на то, что портрет поэта (желательно, кисти известного мастера) создаст (с)ложный контекст стихам, не слишком отличающимся глубиной или изяществом. Они высокопарно говорят «стихи скажут сами за себя», но почему-то не слишком верят в это. Вероятно, им кажется, что стихи беззащитны.

Заблуждение.

Представляю, как я выглядел бы в чужом Предисловии.

Благодарю покорно. Всё сделаю сам.

Мне почти всё равно, что скажут о моей книге. Почему?

У меня есть несколько версий, ограничусь двумя.

Первая. Возможно потому, что я не поэт вовсе.

Вторая. Впрочем, вторую оставлю пока при себе.

Мне же моя книга дорога — не столько как книга стихов или как явление очередного поэта скучающей публике, сколько как духовный акт, если позволите.

Как странное, причудливое, неожиданное продолжение всего, сделанного мною в прозе, монографиях, эссе, статьях, афоризмах — в общем, продолжение всего, запечатлённого мною в слове.

Не как факт творческой биографии, нет (все эти штучки для галочки — презираемые мною происки тщеславия). Ровно наоборот: как нечто личное. Не интимное, но именно личное.

Именно оно, на мой скромный взгляд, структурирует слова, стихи, мысли.

Именно она: личность.

Это вовсе не означает, что моя книга стихов непременно хороша (или становится сколько-нибудь лучше оттого, что является продолжением, а не, скажем, началом).

Вовсе нет.

Меня почти не волнует, хороша ли моя книга.

Меня волнует моя прожитая, но не завершённая пока, жизнь.

Ставки настолько высоки, что дело, конечно, не в стихах.

Хотя и в стихах тоже.

Завтра Рождество.

У меня не сложились отношения с горним миром — то есть сложились неправильно, по мнению многих, искушённых в горнем. Не вижу смысла спорить, перечить или язвить. Тем более кощунствовать (дешёвый прием).

Отмечу лишь, что символы того, неблизкого мне мира, настолько выразительны, что пройти мимо них было бы в высшей степени непоэтично.

Так вот, завтра Рождество.

Странно, но в книге, мне кажется, уже ощутима новогодняя ересь, нечто переломное, зовущее к переменам. Возможно я, заделавшись поэтом, выдаю желаемое за действительное. Ведь с поэта — взятки гладки, ему всё позволено (самый ненавистный мне миф о поэтах).

Но *credo* моё от этого ничуть не меняется. Жить в эпоху перемен — это прекрасно. Не понимаю, почему, когда говорят о переменных, благоговейно и, как всегда, нерезонно вспоминают китайцев.

Что наша жизнь?

Сплошные перемены. Все перемены к худшему — лишь шаг в сторону перемен к лучшему.

Да здравствуют перемены? Или лучше перемены перемен — перманентные революции?

А вот это уже глупо. Слишком поэтично. Без должного чувства меры.

Что ещё из важного упустил?

Если главное сказано, Предисловие можно обрывать на любом месте.

Всё.

Автор

06.01.2018

P.S. Книга стихов, не желая завершаться, возжелала быть опубликованной — иначе говоря, возникла необходимость объявить книгой тот текст, что имеется на данную минуту.

Так получилось.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Уходит ввысь железная дорога.
Искать всегда важнее, чем найти.
Желаю вам — да не судите строго —
Кривого, но железного пути.

От точки А до точки В: АндрееВ.
Локомотив упёрся лбом в звезду.
Меня две дочки учат и лелеют:
«Пересекаем океан! Ду-ду!»

И мчимся мы сквозь времена и дали
По звёздам, что сливаются в судьбу.
Шесть. Ноль. И в детство я выпадаю.
Уж лучше пусть «ду-ду», чем «бу-бу-бу».

Сквозь Млечный Путь — железная дорога.
От Аз — и снизу вверх, до самых Я.
Они и он. За пазухой у бога.
Листают пальчиками книжку бытия.

03.01.18

ЕЩЁ ОДИН ПАМЯТНИК

И я воздвиг себе нерукотворный
Памятник.
И ты воздвигнешь в честь свою колонну,
Многопудовую,
Пусть незримую, но вечную при этом,

Коль станешь жить и мыслить, а не прозябать.
Мы все обречены честолюбивой жить заботой
О памятнике для себя. Не уклониться
От сей повинности и чести вместе —
Никому.

Нет памятника — не было и жизни. Всё ведь честно:
Чей столп превыше всех и непокорней
Уходит в небеса?
Твой? Мой?
Кому судить: вот в чём вопрос.
Одни лишь меру злата понимают,
И ей с восторгом умиления внимают.
Чем больше злата — тем повыше столп.
Иные задают себе загадку:
Бесценное и вечное не стоит злата,
А оно,
Сверкая жёлтым блеском, в свой черёд не купит
Того, что никому в подлунном жёлтом мире
Не принадлежит.
Где мера всех столпов?

Лишь Истине одной и Красоте с Добром впридачу
Любезно вечное творенье,
Что создано не для восторгов
Толпы, не для вершков столпа — для лба высокого
и сердца.

Для мысли и души.
Для человека,
Узревшего в самом себе вдруг Личность, —
Лик вечности в зеркале быстрых дней.
Да, Личность: это памятник, который
Не стыдно никому ваять усердно

Хоть и всю жизнь, и то работы
Останется ещё на девять жизней.
Да, Личность! Мера всех вещей — всего на свете,
Она безмерностью своей уравнивает всех
И каждому готова стать нескучным
Надгробием, созвездьем свежих астр увенчанным.

И я воздвиг?
Воздвиг! Судьбе я благодарен. Без её участия
Не обошлось, я это признаю.
И всё же — я воздвиг, а не судьба.
Без ложной скромности, без блёсток мадригальных
И без фальшивых слёз по поводу терзаний бранных,
Я говорю себе, в прозрачный глядя воздух,
Ловя снежинок мимолётный след
(Они с звездами крохотными схожи,
И сыплются к нам ворохом весёлым,
Дабы исполнить наши мелкие желанья), —
Произношу себе, но не кому-то,
Суровое признание.
Нет, ты не сделал всё, что мог,
И ты не сделал более, чем мог;
И меньше, вероятно, тоже.
Ты просто — сделал это. Многие
Сумеют обойти тебя и лучше
Тебя постигнут, сотворённое тобою.

Но! Нота бене! Ёшкин кот! Ведь
Первым
Увидел
Я
«Теорию всего»
Сквозь мой магический кристалл —

Сквозь Личность.

И не сукин сын я после этого, земляне?

Возможно, пустячок. Возможно,
Я заблуждаюсь, как мильоны до меня, —
Счастливые наивные Колумбы.
И тем не менее: вот Личность,
Вот информация, вот вам законы
Наук гуманитарных, что отнюдь не чужды
Законам «точным». Вот вам Пушкин,
Мой Пушкин, «Лишний Пушкин» —
Для Вас он лишний, как, надеюсь, станет лишней
Для вас моя «теория всего».
Ах, если б знать наверное — гордился
Уж я б заране. Ну, да ладно. Это козни
Тщеславия. Его, надеюсь, станет
Помене у меня, когда уйду я
В тот мир. Иной. Там, говорят, и лишние
Смиряют прыть, и даже забывают
Параметры своих столпов.

Я стану лучше — но не в этой жизни, в той, иной,
Счастливой, ибо именем моим,
Вселенная обречена наречься,
Где будут жить, чтоб познавать,
Смеясь, и ненавидя, и рыдая
От осознания тщеты всего.

Смеясь и плача — познавать!
Да будет так?
Но я не бог, я только заглянул
В волшебное зеркало, освещённо,
Возможно, светом истины неверным;

А может быть, лукавым светом
«диалектики тотальной».

И если я не жертва её законов — то творец законов,
Которых чуть не стал я жертвой.

Кучеряво?

С добром и злом вы разберётесь, право,
Как это сделал я
(На том чуть шеи не сломив, сказать по правде).
А мне приятно сознавать,
Что Личности любезен долго тем я буду,
Что в мой кровавый век,
Который длится с каменного века,
Я не свободу пел,
Звеня на мандолинах-кандалах
Роскошным чистым звоном,
Малиновым, берущим за душу;
Не гимны милосердию на струнах
Коварных, мелких душ я бряцал, почитая
Сие занятие бесплодным, даже вредным;
Не сказки говорил, как кот-учёный,
Златой цепи не замечая по привычке;
Я вещи называл своими именами.

А это трудно. И не прибыльно. К тому же
Рискованно порой. Но это
Тот путь единственный, ведущий Личность
К Свободе, Счастью и Любви,
Которым бы пройти не стыдно всем,
Кто жил и мыслил на Земле.

Всем остальным мне нечего сказать.
Нет, не годится, нет,

Высокомерно так прощаться навсегда.
Всем остальным скажу: почаще
Смотрите вы на звёзды. Свет их колкий
Очистит ваши души от налёта
И желтизны, и ржавчины.
Ad astra!

P.S. Exegi monumentum уж написан мной.
Смысл внятн всем. Но стих, увы, коряв.
Несовершенен. И возможно ль,
Чтоб совершенство смысла
Жило в несовершенной форме?
Не удалось мне Истину и Красоту
Соединить, чтобы творенье чудотворно
Явило сплав противоречий странный.
И оказалось, Истина и Красота —
Ну, в точности, как гений и злодейство —
Две вещи несовместные. О, боги!
Я выступил против того, за что
Всю жизнь боролся!

Следует отсюда
Мораль и грустная наука остальным.
О, други!
Да, проще памятник создать нерукотворный,
Чем написать об этом так, чтоб памятник достойный
Создать уж памятнику. Иногда полезней сделать —
И замолчать. Пусть памятник второй (нерукотворный)
Заботой станет рук других.
Оно и правильной.
И проще. И приятней.
Но! Но! Но! Но!
Ведь могут все иные и не догадаться

Уважить Личность, ибо озабочен каждый
Нерукотворным изваянием себе, любимому...
О, боги!..

25.01.16

Вот приду я осенью к вам на расставанье.
Жёлтых листьев клёновых уж простыл и след.
Здравствуйте, озябшие! Здравствуйте, славяне!
Что вы пригорюнились? Разве счастья нет?

Если нет — то нет его, что зудеть, как овод?
Если есть — немедленно нам плесни на треть.
Всё прошло? Но это лишь только жалкий повод.
Всё вернётся — веская причина помереть.

02.12.17

Пять утра. Опять приходят строчки,
По-хозяйски отгеснив мой сон.
Горы плавно переходят в кочки,
Кочки — в пропасти. Со всех сторон.

Умыкнули сон — так прихватите
Душу разом. В розницу. Слабо?

Отче! Святой!
Ну, а что — Святитель?
Не слуга я дьяволу, я — бомж.

Нет мне места, кроткие, меж вами,
Мысли — всё не те, им меры — нет.
Лира звякнет сладко кандалами —
Эхо в пропасти ответом. Всем привет.

Не пугайте меня небом бледным.
Утро, вечер — мне уж всё равно.
Не богатым был я и не бедным —
Был другим. Иного не дано.

Если крест мой вы сочтёте малым,
И мой крестик меж холмов некстати,
Лёгкий прах мой, почему-то алый,
Пропасть с эхом примут — Христа ради.

03.01.2018

Даже здесь не существует, Постум, правил.
И. Бродский

Существуют всюду правила, увы,
И на отмели, и даже на паркете.
Коли умный — не сносить тебе главы.
Это знают даже взрослые. И дети.

Это знает даже мыслящий тростник,
Долу стелющий султанов серебро.
Нищий духом — значит, к истине приник?
Это правило, коллега: бес в ребро.

Нет, Иосиф Бродский мне не *бро*.

20.12.17

Вакансия поэта... опасна, если не пуста.

Б. Пастернак

Поэт опасен? Это просто басни.
И не кормите ими соловья.
Поэт рождён не для борьбы — для счастья:
Опасно этого не знать, друзья.

Опасно думать, будто счастье — пухом
Лебяжьим устиляет всё вокруг;
Поэт за счастье глотку вырвет с ухом
И жизнь отдаст за слово на миру.

Опасно мир пугать поэтом-бякой,
Свободным аж от собственных костей.
Поэт рожден не кошкой, не собакой —
Пророком. Без плетей и без затей.

Поэт опасен? В зеркало взгляните —
Прочтите строчку звонкую душой.

Присядьте. А теперь свяжите нити,
Душою не кривя перед собой.

Поэт-пророк прошёл тропею адской,
Чтоб вы, разумно меряя простор,
Не опасались жизнь прожить под маской.
Чтоб были счастливы под тихий разговор.

15.03.18

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОЙ ЦЕННОСТИ ПОЭТИЧЕСКОГО БРЕДА

Держим марку морковкой кверху.
Обнимите меня за лысину!
Между прочим, у меня нет перхоти —
И это относительная истина.

Что касается всех и всяческих абсолютов,
Я скажу вам под сенью Серёги:
Впереди — зело х...во и муторно
И ни лешего не видно дороги.

Но не надо серчать, не ворчите, путник.
Водят, водят проклятые бесы.
Это настроенье — лишь сладкая минутка.
А лежать ведь — горькую вечность...

03.11 .2002

ОМЛЕТ И БАЛЕТ

Могут ли грациозные бабочки-балерины
Существовать без палочной дисциплины?

Могут ли их свободные полёты
Обойтись без станка и плётки?

Может ли вообще волшебное искусство —
Ад, посыпанный дустом густо, —

Быть источником чистых наслаждений?
Может ли быть порядочным — гений?

Быть иль не быть — дырки от бублика.
Занавес! Замри, почтенная публика!

Не надо умничать — нужен вал оваций,
Гром аплодисментов без всяких деклараций.

Есть только ноги, фуэте и сюжет.
Более ничего в искусстве нет.

Ах, да, ещё гримы и декорации,
Дающие толчок вашим галлюцинациям.

Всё остальное — суета сует.
Браво, публика: омлет и балет —

Вот основа нашего бытия.
Кто не спрятался — Бог ему судья.

Дайте забыться! Дайте грёз и мечту!
Дайте окунуться в лучистую пустоту!

Дайте раньше времени уйти в мир иной.
На время. Обрыдаться, побыть самим собой.

Искусство — обман. Зато жизнь — погана.
Вот почему не прожить без обмана.

Обожаемая публика! Слов больше нет...
Занавес. Ложи пусты. Гаснет свет.

Эй, человек! Ложки нам. И омлет.

06.01.18

РАЗГОВОР СО СМЕРТЬЮ

Опять сияет солнце с высоты!
Опять в душе — «дороги и тревоги».
Я с жизнью этой уж давно «на ты».
А к смерти я «на Вы», как к недотроге.

Увы, непостижимое страшит,
И потому вселяет уваженье.
«Эй, смерть! Чем удивишь? Скажи!
Ведь я к тебе с великим одолженьем!»

«А я тебя не удивлю, - в ответ.
- Вот ты был всем, а станешь — зего, парень.
Ничем. Ни солнца, ни тревог там нет,
Куда тебя я заберу, в тартары.

Там нет такого слова «нет». И баста.
Там всё ничто, в цене там — nihil с горкой.
Тебе бывало в этой жизни горько?
Там «горько» нет. Per aspera ad astra —

Там звук пустой. И эха нет, приятель».
«Эй, смерть! Так, значит, ты — ничто с косою?
Твоих владений даже нет на карте?
Тебя и к бесу не послать босою?

За что же уважать тебя, тень жизни?
Тебя заметить — жуткий повод нужен.
На нет — и нет суда. И значит тризна —
Обед, переходящий в ранний ужин».

«Да, я ничто. Я — фон. Я — в глубине.
Но, мне благодаря, тебя не станет,
И жизнь тебя тогда лишь не обманет,
Когда сама прохладной тенью станет —
Да, тенью уважения. Ко мне».

«Эй, как Вас? Смерть! Опять настанет утро.
На пир позвать Вас не горю желаньем.
Ну, в общем, morituri te salutant.
Спокойно. Нехотя. На расстояньи».

«И всё-таки — до встречи». «Да, до встречи».
«Не убивайся так. Всё будет гладко.
Обед твой на столе. В лампаде свечи».
«Извольте выйти вон. Вы просто гадки».

31.01.18

РОЖДЕСТВО

Вот подкралось нежно Рождество.
Паиньки упорно ждут звезду.
Чуда ждут. Лишь я один не жду.
Я — это загадка для волхвов.

Что вам? Искупление в ребро?
Что, невмочь тянуть грехов сей воз?
Вы хотите обратить его в навоз,
Чтоб удобрить почву под добро?

Мне не надо чуда, ибо я
Воз познания тащу, и не ропщу.
Эй, волхвы! Ну, разве я не чу...?
Интересно, что сказал бы Судия.

22.12.17

ПРО МИРСКОЕ

Явился дьявол во плоти
(В районе где-то десяти).

И средь морских суровых скал
Народ толпой ему внимал.

- Принёс я вам благую весть,
Сенсационную, как есть.

Отныне, знайте, праха чада,
Меня искать нигде не надо.

Ну, нет меня. Проект закрыт.
Всё. У разбитых вы корыт.

Вас покидаю навсегда.
Адью, коллеги, господа.

Ах, Боже, чуть я не забыл
О самом главном. Заслужил

Я честь быть атаманом ада.
Теперь мне почестей не надо,

Теперь другой за ад в ответе...
Кто Он? Не будьте вы, как дети!

Он — ваш Творец и ваш Отец.
К Нему вернитесь, наконец.

Теперь несовершенства мира —
Его печаль, а Он, Задира,

Пусть отдувается, пусть врёт.
А мы посмотрим, чья возьмёт.

И на вопрос «кто виноват?»
Отныне прост ответ. Виват!

Исчез он ладана дымком.
И пожалели все о нём...

Иль о себе? То знал бы бес.
Но он, как видите, исчез.

02.12.17

НАМ

Кому печаль, как в сказке, описать?
Кому тоску заветную поведать?
Кому — сады сажать, кому — плясать,
Да некому услышать наши беды.

«Мы выкопали море!» Жди восторг
Толпы бесчестной, туповатой, грубой.
«Мы победили русских! Тесен морг!
Даёшь Москву! Да прихватите шубы!»

«А кто кричит?»
«Да русские кричат...»
«Не может быть!»
«А я о чем? Бывает».
Историю покрепче на причал,
И в новый путь, где нас никто не знает?

«Сотрём былое, встретимся в грядущем!»
«А это кто?»
«Нерусские. Вот ёпсель...»
Давай, пляши, сучи ногами пуще,
На собственных поминках слаще пьётся.

Как быть? С чего начнем? С утра?
Давай. Ведь утро — эстафета ночи.
Не отречёмся. Вспомним. Пли. Ура.
Начнём сначала. С продолженья, в общем.

Чтоб победить — услышь свою печаль,
Пускай тоска заветная даст силы.

«Что в кубках?» «Не дождётесь. Иван-чай.
Но вы не прекращайте рыть могилы —

Себе, не нам». Такой вот, брат, изгиб.
Надеюсь, сей намек сегодня к месту.
Готовим будущее, как невесту,
Нам жить и жить.
И в добрый путь!
Гип-гип!

26.12 .2017

СУСАНИНУ

Литвины мы, наш прах отмщеньем бредит.
Мы лишь убить хотели русского царя,
А с ним и русский дух, и вашу спесь,
Чтобы ясновельможный пан не тыкал боле
В наш ветхий род и злую нашу веру,
Чтобы отречься от своих корней,
Чтоб стать другими, — но не русскими при этом.
Зачем нас обманул, холоп презренный,
Зачем предательски завел, Иван, в болото?
Всегда так русские вершат свою историю:
Сначала посулят — а там, глядишь, обманут.
И как вас после этого щадить,
Не убивать? Скажите, как не истреблять
Всё русское в себе, в тебе — во всех?
Мы ненавидим вас настолько, наши «братья»,
Что даже презираем и себя, литвинов.

22.12 .2017

ЗАБЛУДШИЙ ПАСТУХ

Растолкуй, ясновидящий, что здесь к чему.
Я — один, без скота, с плетью наперевес,
Озираюсь вокруг — и никак не пойму:
Это просто деревья иль всё ещё лес?

В небесах раздались синих птиц голоса,
Задрожала золотая гряда облаков.
И я вижу вдруг то, что являлось мне в снах:
Моё стадо обосранных дойных коров.

03.11.2002

САКРАЛЬНОЕ

Ты не трогай, поэт, струн сакральных на лире,
Ибо всё, что написано, сбудется верно.
Ты пиши про природу, пройдишь по сатире,
И воспой что-нибудь, расскажи про таверну.

Напророчишь себе — навредишь ненароком.
Ибо чутки к волшбам чудаков небеса.
А особенно будь осторожен со сроком.
Ты его обойди, не отмеривай сам.

Слово смерть (чур, меня!) истреби в лексиконе!
Ибо тут ты не властен, равно и в судьбе.
Бросишь вызов — пощады не жди. Жди агоний.
В назиданье другим — будет кара тебе.

Сонетные запреты повергал,
Их делая подножием искусства;
Искусство же... любовью облакал.

25.12.17

ТЕОРЕМА СОНЕТА

Пускай сонеты пишет Пифагор.
Сродни математической задаче
Такие вирши.
Есть и незадача:
Чем больше математики в строках —
Тем яростнее чувство в них сокрыто.
И вот вам сокрушительное ergo:
Поэзии чистейшей мы внимаем.
Вот так задача, брат!
Вот теорема!
Её уж доказали сотни раз,
Но объяснить покамест не под силу.
А это доказательство того,
Что цифры и стихи несовместимы?
Так ведь доказано обратное уже...
Проклятьё! Роковое рондо — вот
Чем обернулись мысли про сонет.
Поэтово — поэту, Пифагору —
Цифирь сухая?
Это не решение —
Тупик, напоминающий задачу
Иль поэтическую теорему.
За дело, гении! Объедините

Вы сердце с головой. И докажите,
Что человек — поэт, но мыслящий
Математически. Любовь с рассудком
Есть целое.
Какое ergo тут?
Стихи и цифры — это слуги жизни.
И не вступать им в перебранку надо —
Служить самозабвенно с целью ясной:
Не победить — так отодвинуть смерть.

05.01.18

СТИХИ ИЗ РОМАНА «Гармония — моё второе имя»

На улице валит мокрый снег,
Ветер сносит с тротуаров прохожих.
Я не верю что существо человек
Может быть на демона похожим.

У него есть уши, есть голова,
Что-то вместо сердца, ноги и мозги.
Почему же он плетётся едва-едва
В ту страну, где ни света, ни зги?

Завтра полыхнет скучная заря.
Станет снег сухим, стихнет ветер.
Я не верю, что живу зря.
Я не верю, что мне кто-нибудь ответит.

13.10.07

Сегодня тринадцатое число.
Осень. Скучновато и сыро.
Я считаю, что мне в жизни повезло:
Я слышу о войне, но живу среди мира.

Выползу в магазин. Куплю пельменей.
День проведу терпимо и сносно.
Я — человек вполне осенний:
Буду думать о тебе и блуждать в трёх соснах.

Чтобы мечтать, надо быть сумасшедшим.
Я не таков. Вот тапочки, вот одеяло.
Я живу не будущим, а прошедшим.
Мне и в прошлом тебя не хватало.

13.10.07

ТРОЛЬ

Не в масть — ни левым, и ни правым.
Куда иду?
За горизонт.
- Зачем? — вопрос звучит лукаво.
- А чтоб вы жили, ты и он.

- Бессмертья ради?
- Не дождётесь.
- Романтик? Грош тебе цена...
Зачем? — и дяденьки, и тети

Ждут чуда — он, они. Она.
- Да дурень. Жизнь профукал, ёптель...
И — гробовая тишина.

22.11.17

КТО ВИНОВАТ?

Богу — свечку, кочергу —
Чёрту. Мне — ума палаты.
Мы ни в чём не виноваты.
Только счастье — на бегу,

Правда — впопыхах в охапку,
Ну, а мера — в прах золой.
Меркнет вечер золотой.
Смотрит дед вприщур на бабку.

Вот — разбитое корыто.
Где же наши сундуки?
Где кустарник у реки?
Где я сам?
Все — шито-крыто.
В землю будет всё зарыто.

Не хватило нам палат?
Кто-то в этом виноват...

24.03.17

СОВА МИНЕРВЫ

Сова Минервы в сумерки летала.
Опять, конечно, опоздала,
Опять свершились без неё
В черед трагедии и драмы,
Опять разрушены те храмы,
Где воспевали бытиё.
И смута вновь, и вновь испуг, увы...
Мир ускользает от услуг совы.

Сова Минервы всё летала.
Сомнений словно тех не знала,
Что так мешают нам летать.
Мы в курсе: будет вновь «опять».
Опять и снова — двадцать пять.
Сова летала и летала.

Кто знает, вдруг настанет утро
И тут сова поступит мудро:
Проснётся и — навстречу свету,
(Все скептики — за сказку эту)
Возьмёт и ухнет: «Миру — мир!»
И вздрогнет наш златой кумир,
А идолы из красной глины
Серьёзные вдруг скорчат мины.

Лети, сова, летай! Прощай!
Но ты летать не прекращай.

01.12.17

ВЕЗУВИЙ

Обезумевший Везувий.
Пепла тучи. Лава. Ад.
А сегодня время-зуммер
Возвращает нас назад.

Что мы видим? Прах Помпеи?
Город мёртвых — стёрт с земли?
Это мифы фарисеев.
Город жив. Здоров. Велик.

Катастрофа лишь продлила
Жизнь, уснувшую в веках.
Только кровь застыла в жилах,
Только замер страх в очах.

Где ровесники Помпеи?
В Лету канула зола.
Дождь всё смыл, борей развеял.
Слава лаве и хвала!

Неужели извержение —
Это наш последний шанс?
Но моё воображение
В странном свете видит нас.

Вот Везувий взялся мраком.
Кровь застыла, сник цветок.
Вот прошло мгновенье с гаком —
Вспыхнул ядерный грибок.

Хлоп — и пересохла Лета.
Слишком тяжела вина.
Есть вопросы — нет ответа.
Или лава — иль война.

Время канет вслед за Летой.
Хронос выбросит брегет.
Если нам грозит всё это,
Значит, даже ада — нет.

Виноватых нет в помине.
Кратером сопит вулкан.
Пусть сия нас чаша минет?
... Я стою, как истукан,

Слепленный натурой наспех:
Точка, палка, геморрой.
И завидую, как аспид,
Тем, кто рядом жил с горой.

07.02.18

KPATKO

О МОТЫЛЬКАХ

Мотылёк! Лети резвее!
На свечу! Получишь кайф!
Мозга взрыв тоску развеет:
Раз — и нету скучный лайф.

Вот уж тучи мотыльков
Покидают свой альков.
И никто им не сказал:
Свечка — ада филиал.

02.12.17

— Пишутся стихи. Просто удивительно!
— Это ничего. Перед смертью. Простительно.

06.01.18

Покой и воля! Очень ловко.
Унылый миф. Ажиотаж.
Ослы. Верёвка и морковка.
Идем по кругу. Bon voyage.

08.01.18

Поэт и смерть: они ведь вместе,
Поэтам смерть — всегда к лицу,
Как роз бутоны — мертвецу,
Или фата с кольцом — невесте.

06.01.18

ЭПИГРАММА

Смешны претензии на Трон Поэта.
Ты губы подожми, ну, или бровь вскинь —
И коронуют тебя жители за это:
Генералиссимус Иосиф Бродский.

30.12.17

Стихом, каким угодно белым,
Не отбелить ни грязь, ни зло.
Увы, поэта ремесло —
Писать на чёрном фоне мелом,
Чтоб было белое на белом.

01.12.17

*Когда философия начинает рисовать
своей серой краской по серому...*

Гегель

Серым по серому — или белым по белому?
Вот в чём вопрос для поэта.
А серым по белому — или белым по серому?
Это уход от ответа?

01.12.17

Молодость — время разбрасывать камни!
Зрелость — пора собирать.
Но!
Время приходит (чур меня, амен)
Камни эти терять...

01.12.17

Прыгай в море! Разбейся о скалы!
Зубы к бою! И землю грызи!
И запомни, что всё — это мало.
А рубашечка вечно в грязи...

А где озон? А где озон?
Нет, то не мой диапазон.

01.12.17

Стихия — это стих. Допустим.
Как верно и обратное.
А если стих — тюрьма из брусьев?
Совсем невероятное?

Стих — это клетка для свободы,
Стих — это рыбы перламутр.
Нужны удача, горб и годы,
Чтоб стих стихиен стал.
И мудр.

01.12.17

«Лета к суровой прозе клонят...»
Творец! Хвала моим летам!
Когда роман клонит к агонии —
Меня всегда клонит к стихам.

01.12.17

ВЕРЛИБРЫ

ЗАВИСТНИКАМ

Конечно, вы не обрадуетесь моей радости,
Которая красит мою судьбу уже сегодня.
Конечно, вы не доживёте до того светлого дня,
Когда имя моё будет на устах у всех,
Стремящихся к радости познания.
Конечно, не доживу и я.
Но я знаю, что этот день настанет,
И эту радость — вам у меня — не отнять.
И вы знаете, что будет именно так —
Оттого ваша зависть сегодня
Не может отравить мне радость,
Но отнимает вашу веру в себя.
Вы боитесь себя, болтуны и невежи.
Вы понимаете, что вы предаёте себя:
Вы пытаетесь приторговывать истиной.
Из-под полы. Оптом и в розницу.
У вас нет и не будет светлого дня.
При чём здесь — я, торгоши?
Зависть — лишь выглядит как ненависть ко мне,
На самом деле — это ненависть к себе,
Удачливому игроку на бирже совести.
Эй, вы! Язык без костей!
Завидуя мне, вы убиваете себя.
Конечно, ваша зависть — не самое приятное зрелище.
Отвратительное зрелище.
Однако вы, сами того не желая,
Несёте мне победоносный знак радости.
Моя уверенность в своих силах крепнет день ото дня.
При этом мне вас не жалко. Нисколько.
Да-да, я тоже не без греха.
Кроме того, я завидую сам себе.

Так, немного. С большим чувством меры.
Конечно, вы не обрадуетесь моей радости так,
Как я радуюсь вашей зависти.

24.01 .2018

В вашем удивительно устроенном мозжечке
Никак не совмещаются простые вещи:
Любовь к отечеству,
Истине
И свободе.

25.12.17

В искусстве мыслить я настолько уважаю форму,
Что порой готов пренебречь ради неё
Содержанием.
Однако форма — против.

25.12.17

Вас раздражает моя манера быть правым?
Вас раздражает моё спокойствие?
Вы презираете моё бескорыстие?

Вы не верите моему таланту любить?
При этом вы считаете себя тонкой и оригинальной
женщиной?

Вы просто отталкиваете меня от себя.
Вы хотите, чтобы я ушёл —
И предоставил вам роскошный шанс обвинить меня
в том,

Что я вас «грубо бросил».
Вы знаете, что я не выношу пошлость.
Уверен, вы отдаёте себе отчёт в том,
Что это была последняя её капля.
В известной тонкости вам не откажешь.
Я в вас не ошибся.

25.01.18

ИСТИНА В ВИНЕ

Вино?
Я не грешу, когда пишу,
А не пишу — грешу.
Ибо: грех проводить время в праздности,
Не воздавая должного Бахусу.
Но когда я пишу — то хмелён без вина.
Вот почему я счастливо избавлен от возможности думать,
Всегда и везде.
Но при этом я, как и все поэты,
Откуда-то знаю главное:
Истина — в вине.

09.01.18

КРАСОТА

Опали смыслы,
Подчеркнув наготу красоты.

Но красота жеманится и ёжится:
«Укутайте меня смыслами!
Чтобы стало красиво!»

03.01.18

ПОЭЗИЯ

Поэзия — игра словами.
Аристотель сказал?
Нет, все современные поэты так говорят.
А если игра словами приводит к огранке мысли?
Это катастрофа! Может получиться *chef-d'oeuvre*,
Не к ночи будь помянут,
А это — представитель монстров, убивающих поэзию.
Они буквально охотятся за ней!
Проходу не дают!
Нет-нет, только не это!
Отчего же?
Видите ль, поэзия — это игра, игра, игра...
В слова, слова, слова...
Понимаете?

23.12.17

ПОЭТ

Поэт — это диагноз.
Причина банальной болезни — слабоумие.
Скучная больничка.
Но ежели высокая хворь одолевает крепкий,
Непобедимый ум,
Тогда перед вами — Поэт.
Его диагноз — Личность.

23.12.17

ПОЭТЫ КАК ДЕТИ

Поэты похожи на детей.
Поэты похожи на детей не только своей
Неистребимой непосредственностью
(что так умиляет взрослых),
Но и своим наивным эгоизмом
(что не может не раздражать).
Поэты, не обременяющие себя ответственностью,
Порхают от впечатления к впечатлению —
Медоносно одаривая нас своими опусами, как-то:
Поэмами, эпиграммами, эпитафиями, и, конечно же, одами.
И всё о себе, всё о себе...

Поэты похожи на детей.
Поэтому доверять им детей — преступно.
Единственное, за что поэт достоин уважения:
За попытку истребить в себе поэтическое отношение.
Если это становится предметом поэзии —

Может родиться подлинно поэтический шедевр.
Вот почему поэзии много, а шедевров — мало.

Поэты похожи на детей.
Подражать поэтам — глупо.
Уважать их — не за что.
Ими можно только любоваться —
По-детски простив им то, что они — не дети.

09.01.18

ПОСВЯЩЕНИЯ

ДОЧЕНЬКАМ

Нам — одиннадцать.

Месяцев, а не дней!

Кнопками носы,

глаза — горошины.

Папа седой

смотрит все нежней.

Скоро вырастут.

Будут хорошие.

Маме не до праздников.

У нее хлопоты.

Утирает кнопки,

подтирает попы.

Медленно растут.

Другие уже топают...

Молока купить.

Кашу ели чтобы.

А нам — хорошо.

Подгузник сух.

С папиных коленей —

на руки к крёстной.

Ёлка наряжена.

Она росла в лесу.

А нам расти — незачем.

Мы давно уже взрослые.

Папа,

22.12.13

ЖЕНЕ

Жену свою оставил на рассвете.
Она спала. И спали наши дети,
Двойняшки, Маша и Елизавета.
Я их люблю. Шалуны знают это.
Я в Могилёв собрался по делам
И к другу.
Вдруг в душе возник бедлам.

Мне шестьдесят, а я рассвет встречаю,
Любимую спокойно оставляю.
Не сплю. Бегу. Зовут дела, дела.
Се философия добра и зла?
Нет повести прекраснее на свете —
Жену с детьми оставить на рассвете,
Чтоб целый день пресладко тосковать.
При чём здесь только — мыслить и страдать?
На свете счастье есть. Я принял вызов.
Но...
Сомненья червячок терзает всё равно.
Ведь счастье «оставлять» печально как-то.
И наступает трезвой мысли вахта.
А с мыслью и страдание пришло.

О чём пекусь я?
Счастье — ремесло.
Искусство жить и мыслить (как-то в меру),
Не веря, что ты жадно ищешь веру.
И торопиться как-то без сует.
На свете счастье есть.
Покоя — нет.

Настало время дел. Их ворох. Прорва. Вал.
Я homo sapiens. Жену поцеловал
Я на рассвете. Дважды. Да, я молодец.
И это сказочке начало.
Не конец.

13.06.17

(в маршрутке на Могилёв)

АЛЕКСЕЮ ИВАНОВУ

Лёша, Лёша, это ведь не люди,
Это же людишки, честь им и хвала.
Влазят те людишки в короткие штанишки
И чешут по планете, в чём мать их родила.

А когда им думать, если выпить лень им?
Если разобраться — жаль их, и всерьёз.
Только есть проблема (наша, к сожаленью):
Они нас не жалеют, до гроба и до слёз.

01.12. 17

АЛЕКСЕЮ ИВАНОВУ

Новый год! Набрал я меры в таре.
Осмотрелся: все ль взяты барьеры?
Нет, не стоит наши сроки старить.
Можем мы еще *свои* *взять* *меры*.

28.12 .2017

Анатолию Аврутину

Чую смущённой душой я пиита присутствие рядом.
Сколь ни внушай, ни тверди, будто звуки не стоят полушки,
Злато ж вершит строгий суд, добродетель во стыд повергая,
Но настоящий поэт — он любую звенящую строчку
Тотчас в душе предпочтет зазвеневшему злату в досаду,
Встанет в защиту добра, презирая металл жаром сердца.
Кто же поэта узрит — среди нас в тёмном, зыбком сегодня?
Кто сей пророк? Ведь алмазы и те расцветают не сразу —
Хронос великий огранку вершит всем стихам и поэмам.
И засверкают они, с бриллиантами вечными схожи,
Всех современников ввергнув в смущенья горячий румянец
(Если бы им сквозь века, близоруким, воскреснуть случилось):
Не угадали поэта, отвлѣкшись на злобу и зависть.
Чую смущённой душой я пиита присутствие рядом!
Семь лишь десятков ему от рожденья — младенческий возраст!
Путь только начат в бессмертье. Суровейший Хронос,
в потѣмках
Звѣзд раздвигая гряды, уж готовит местечко на зависть —
И зажигает, не дрогнув, звезду-бриллиант во Вселенной.
Чую смущённой душой я пиита присутствие рядом...
Пусть не торопится в вечность он — пусть наслаждается
жизнью,
Строчки звенящие пусть посвящает мгновеньям сладчайшим!
Ибо забота поэта — воспеть краткий миг, расширяя —
Страстно! с сомненьями! — межи добра, красоты и любви.
Об остальном позаботится с нежностью Хронос бесстрастный.
Чую смущённой душой я пиита присутствие рядом.

24.01.2018

**АНАТОЛИЮ АВРУТИНУ
НА ЕГО «ШЕШЕЛЕНИЕ»**

Две шестёрки скачут в ряд —
Едет Толя на парад.

Щемится ещё одна —
Искушает Шайтана.

Тянет, падла, влево, влево,
Где сияет попой Ева.

Нет, уж лучше на парад —
Бить фашистов всех подряд.

А шестёрочки-лошадки
Превратятся пусть в девятки.

Но спокойно, не спеша:
Жизнь уж больно хороша!

03.07.14

ОЛЕГУ БОРУШКО

Есть Борух, а есть — Борушко.
Есть банкир, а есть — поэт.
Я шепнул Олегу в ушко:
«Слушай, бро, дай мне ответ.
Деньги — зло, а кэш — могила.
Бро, откуда в бабках — сила?..»

И ответил мне поэт:
«Деньги есть, а счастья нет.
Что Борух? Труха земная.
Нет, ну, нет на свете рая.
Я открою, бро, секрет:
Счастья нет, покоя нет —
Есть стихи. Они замена
Счастью, воле и всему.
Потому что никому
Не подвластны звуки в строчках,
И на желтеньких листочках
Мы летим с тобой в зиму».

03.11.17

БОРИСУ БАРТФЕЛЬДУ

Я был на Балтике.

Норд-ост рвал аккорды на «Альбертине»-арфе.
Утром грела радуга.
Следом дождь в уныние вверх.
Мы говорим Калининград —
Подразумеваем Бартфельд.
Говорим Бартфельд —
Слышим: Балтика. Иммануил. Кёнигсберг.

23.10.15

(Гостиница Альбертина, Кёнигсберг-Калининград)

СЕРГЕЮ КУРАШУ

Приехал Кураш на кураже,
Привёз бутылки в большом багаже.

- Послушай, Кураш, ядрёна вошь,
Зачем водяру из Мозыря прёшь?

Иголками Кураш сверкнул, как ёж,
И молвил: «Не пьёшь — не живёшь!»

12.06.17

УНДИНА

Монолог Маринеско

новелла в стихах

1

Нет правды на земле. Но правды нет и выше.
И ниже нет. В морских пучинах также
Её не сыщешь. Иже с ними. Как же быть?
Идти своей дорогой, не ропща. И не сгибаясь.
Я это знаю — я, законно потопивший
Громаду «Густлова». Законно! И могу я,
Не опуская глаз, смотреть в глаза любому.
Но не любой.

Вчера опять среди крошечной тьмы,
Которая с глубинами морскими схожа,
Ко мне девчонка приходила. Да, во сне.
И робко так, оборки платья теребя,
Меня спросила — на чистейшем русском! —
Не опуская глаз: «Скажи мне, дядя,
Зачем убил мою ты маму,
Красавицу Мадлен,
Голубоглазую блондинку, чья вина
В том лишь и состояла, что она,
Супружескому долгу повинуюсь,
Вослед за мужем, в китель облачённым,
Взошла на палубу «Вильгельма Густлова».
Меня держала за руку. А я вдруг поскользнулась
На палубе той жуткой и злосчастной,
В тот жуткий мрак и жуткий тот мороз,
И больно стукнулась коленкой загорелой
О железяку. Было больно мне. Скажи
Зачем убил ты маму и меня, живую,
В пучине моря утопил?
Мне было страшно. Больно было мне.
Ты был когда-нибудь в аду? А я была.

На «Густлове», на скользкой палубе,
Был сущий ад после твоих торпед.
Потом потоп всемирный, слава Богу,
Конец мученьям нашим положил.
Но прежде в том аду замёрзла мама,
Вмиг обратившись в стройный обелиск,
Пусть ледяной, но гордый хрупкий столб.
И этот памятник страданию ушел на дно.
Сосулька — по железу — в воду. Вот марина
На все века и на все вкусы, правда?
Зачем? В чём виновата я перед тобой
Или пред Богом грозным? Иль пред кем ещё,
Кто этим миром страшным правит?»
«Дорогая, —
Хотел я вымолвить —
Дитя моё! Спроси об этом
У дяди в строгом кителе, который,
За узкую твоей спиною прячась,
Десятки тысяч истребил девчонок русских.
В него я метил». —
— А попал в меня...
— Я метил в китель ненавистный!
— Мишенью стала я...
— Ты знаешь, на войне...
— Как на войне, я знаю.
Как на войнушке. Заигрались все в войну.
И всё позволено нам на войне. Я знаю.
— Да ты здесь не при чём!
— Я знаю. Но без мамы
Как мне теперь шагать в глухую вечность
С моей больной коленкой? И без мамы!
Одной! Ведь это ты привык
По океанам шарить в темноте

На субмарине на весь мир известной,
На всей земле, и даже выше. Ну, а я...
К ужасной и холодной темноте
Я не привыкла. Да и не привыкну впредь.
— И что ж, всегда ко мне ты станешь
Прогулки совершать в глухую полночь?
А, кстати, как тебя зовут, красавица?
— Зовут меня... Кому какое дело?
Какая разница? Меня ведь нет.

Она, не опуская глаз пустых,
Исчезла вдруг. Рассвет пленительный,
Раскрасив бледный неба холст,
Взошёл над миром.
Но не надо мной.
Не над моей душой, измученной
Виденьями ночными.

2

И день прошел в обычной суете. Гражданской.
В трудах, дабы добыть кусок насущный.
Взошла луна над морем. По волнам,
По светлой ряби, столь любезной взору,
Трудяга-катер мирный, словно в гору,
Из сил последних рассекал залив,
Отпугивая сон мой долгожданный
Игрушечным гудком. И в этот час,
Стирая грань меж явью и виденьем,
Вновь появилась девочка. Клянусь,
Я был обрадован не меньше,
Чем в тот момент, когда мои торпеды,

Моей команде повинуюсь, взяли
Смертельный курс на «Густлова». — Привет! —
Сказал я, гордо глядя ей в глазницы.
Зияющие. Круглые. Пустые.
Пытался всё глаз голубых сияние
Представить. И — не мог.
— Привет, малютка!
Хочу сказать тебе сегодня громко
Я нечто важное. Давай поговорим
Начистоту. Про «Густлова». И всё на свете.
Давай расставим точки все над всеми i.
— Давай, — она сказала просто и — клянусь! —
Сияньем голубым меня облила снизу,
А получилось — с высоты ребяческого роста.
В груди моей тучнел шершавый ком.
Кошмар привычный вдруг подкрался тучей.
Холодным потом всё чело взялось.
Но я, преодолевая чувство долга,
И чувство самосохранения,
И робости геройской, —
Преодолевая слабости свои,
Себя взял в руки. И встряхнул, как следует.
— Давай. Следи за мыслью. Знаешь, что такое?
— Про мысль?
— Да, что есть мысль. Тебе известно?
— Не очень. Моя мамочка, Мадлен моя, меня
Ввела бы в курс... Ну, в общем сам ты знаешь,
Что дальше я сказать хотела. Извини,
Что причинила боль тебе. Невольно.
Проблема в том, что вся я состою из боли.
И соли. Что ж, давай следить за мыслью.
— Да, да, конечно же, давай. Давай, конечно.
Послушай-ка, а ты не по годам умна.
И хороша не по летам. Давно

Спросить хочу я: сколько тебе лет?
— Подростком я была. Тринадцать стукнуло.
Последним моим летом. Пред последнею
Зимой. Джульетте Капулетти будто.
Моей любимой. Знаешь ты о ней?
— Давай уж лучше проследим за мыслью.
Был договор.
— А я не против. Начинай.
— Что бишь сказать тебе хотел я... Об одном
День целый думал непрестанно. Ты скажи...
Ну, в общем... Я не знаю, как начать...
— Начни смелее. Ты, ведь, говорят,
Не робкого десятка. Нет? И храбрости
Тебе не занимать. Все лишь о том и говорят.
— Да, знаю, знаю.
— Так смелее, мой капитан.
— Одна мне мысль покоя не дает.
— Какая мысль?
— Скажи мне, девочка, скажи,
Моя Ундина, если бы ты вдруг
Была бы... скажем, дочерью моей.
Да погоди ты мило улыбаться!
— Была бы дочерью твоей. И что же?
Что ты хотел сказать?
— Гордилась бы ты мной, моя Ундина?
Уф, груз долой, сумел произнести.
— А было нелегко?
— Едва хватило сил.
— Конечно, тяжело. Представить даже тяжко.
Вопрос, конечно, не из лёгких.
— Вопрос дурацкий, ты сказать хотела?
— Вопрос глубокий. Я совета бы, наверно,
Спросила у Мадлен своей любимой.

— Пойми, гордилась бы ты мной,
Как я тобой горжусь? Вот в чём вопрос.
— Ах, Маринеско... Мне уж, право слово,
Давно как всё равно. Я стала
Людей бояться, перестала их понимать.
Совсем запуталась: где есть моя вина,
А где — беда? За что нас так?
И в чём неправ был фюрер?
И был ли он хоть в чём-то прав?
Моя Мадлен святая — чем она не угодила?
И кому? Ах, Маринеско, отпусти
Меня из снов своих! Прощаю я тебя.
Не мучь меня. Гордиться же тобой
Не в силах я. Подумай сам. Следи за мыслью.
— Ундина, нет, не уходи! Нет, нет!
Не покидай меня в ночи
И в одиночестве моём постылом!
— Не надо было убивать меня. В невесты,
Глядишь, сгодилась бы тебе. Шучу.
— А мне уж не до шуток. О, не уходи!
Что буду без тебя? Так, казусом войны.
Обрубком. И обломком. Матерьялом.
С тобою ж рядом чувствую себя
Я человеком. И...венцом творенья.
— В своем ли ты уме, о, Маринеско?
— Не знаю я. Иные полагают,
Что я герой; иные так гордятся
Персоною моей, другие — проклинают.
Себе я цену знаю. Но другим
Цена в базарный день — полушка. Медная.
— Послушаешь тебя — ты без греха, однако.
— Кто ж без греха? Я вспылчив и горяч.
Немного я угодник дамский. Вот и всё.

Пожалуй, всё, как на духу.
— А мне зачем всё это знать?
Я ведь ребёнок. Иль желаешь
Ты ревностью моею насладиться?
— Не знаю я. Не уходи.
— Пора. Давно пора мне.
— Куда? Ведь у тебя в запасе вечность,
А у меня — с десятков снов инфарктных
И целебных вместе. Не спеши.
— Нет вечности, мой милый Маринеско.
Есть только миг, подобный вечности. И тот
Ты отнял у меня и у Мадлен моей
Любимой.
— Ладно. Будь по-твоему. И всё же
Скажу тебе последнее моё желанье.
Мне сон последний подари!
Упиться дай мне роскошью общения с тобою.
А также и с собой. Под занавес. Что ж ты молчишь?
— Борюсь с собой. С желаньями своими.
Ну, так и быть. До завтра, до полуночи. Пока.
Я поспешу к своей Мадлен. Роднее
На этом свете у меня нет никого.
Да и на том. Подруг я не ищу. Пока.

И вновь рассвет мне был врагом: он похищал
Бесценные мгновения у жизни,
Которая всё более напоминала мне
Мой сон.

3

Ундина! Ах, зачем явилась ты ко мне,
Герою? И зачем покой нарушила, смутила душу?

Тебе ведь всё равно там, неизвестно где,
А мне бы — жить да жить. Но не судьба.
Как объяснить мне вам, гражданским людям,
Что есть война?
Неужто формула войны —
Проста, ужасна и — негероична?
Что, уж не Марс могучий, и не рыцарь
На белом и лихом коне есть символы войны,
А воин в безупречном том мундире,
Изящно скроенном да ладно сшитом,
Тот воин, у которого рука по локоть
В крови Ундины убиенной утопает,
Голубоглазой и прелестной?
Чумы коричневой, Я, победитель,
Отныне не герой — убийца жалкий? Так?
Но нет! Такого быть не может!
Абсурд и клевета! Ведь мы тогда
Лишимся всех героев! Всех! До одного!
Не только Маринеско, но сам Грозный-царь
Сомнительный герой тогда, не правда ль?
Опричник и злодей, не более того.
А Пётр Великий — он герой или тиран?
Попробуйте его отмыть вы руки
От крови тех, кто прорубал окно в Европу
Согласно императора приказу, —
В Европу ту, которая топила
В крови мою Отчизну? А Георгий Жуков,
Тот воевода, что заставил захлебнуться
Кровинушкою русскою так верно
Фашистов-нелюдей, сынов Европы славной?
Отнюдь не меньше он фашистов
Положил, а больше. И гораздо больше!
Не полководец он? Лишь кровопийца,

Усерднейший служака? И всего-то?
И — страшно вымолвить! — отец народов,
Генералиссимус Иосиф Сталин,
Суровый гений чей страну укрыл
От верной гибели, — он тоже лишь мерзавец,
О ком стенают миллионы жертв?
И памятник ему — кощунственный проект?
И тухлая затея? Мне ответьте!
А Минин-гражданин? А князь Пожарский?
По-вашему, все, все, все, все герои —
Лишь свора штрафников и гопников?
Головорезов недобитых? Подколодных гадов?
Неужто все герои — лишь наполовину,
А остальное в них — преступники и жертвы вместе?
И Маринеско — в том ряду? О, боги!
А кто ж тогда всех защищает вас от смерти?
От гибели? Ценою гибели и смерти,
Само собой, иного не дано.
И бросите вы камень свой в меня —
А попадёте им в историю людей,
Кровавую, но славную. Бросайте!
Без стеснения! Но при этом знайте:
Кто первый камень бросит в нас, тому
Людей не жалко. И тот жизни враг.
А значит, и мой личный враг.
Нам не договориться.
И что же получается: Ундина —
Всего лишь щепка, а война есть рубка
Леса тёмного?
Ответ такой:
Идите все вы к чёрту, упыри!
Ундину я убил. Но если б дрогнула
Моя рука, если бы толику сомненья

Я в сердце заронил хоть на секунду,
Тогда бы превратился я в убийцу
Банального. А я герой.
Банальный. Но герой.
И званье это я никому на свете не отдам.
С собой в могилу его я унесу.
Все точки над і расставлены?
Не знаю. Не уверен. Я люблю Ундину.
Улыбочки кривые? Мне плевать.
Моя любовь вся состоит из боли.
А вы — идите к дьяволу.
Теперь я всё сказал.
«А, вот оно! — вскричали упыри.
— Герой раскаявшийся — не герой,
А так себе — слабак. Отсюда сопли,
Истерика, приятель. Неприятно
Услышать возражения убийственные? А?»
Краплёными я не играл и не играю.
Ответ мой чётко, твёрд и однозначен:
К чёрту, упыри!

4

И вечер был. Вот и гудок. Игрушечный.
- Ты слышал, Маринеско, ту сирену
Тот стон «Вильгельма Густлова»,
Идущего на дно? А? Маринеско?

Моя Ундина так меня встречала
В последний вечер наш, переходящий в ночь.
— Прощальный вой девятипалубной громады
Не смог своим гнусавым басом,

Срывающимся то и дело на фальцет,
Отчаянные вопли заглушить детей.
Как небеса могли простить сей вопль
Пронзительный всем людям? Не тебе,
Назначенному крайним, — не тебе,
А роду человеческому вкупе?
— Под ту сирену, что в дуэте с воплем,
Я засыпаю мёртвым сном под утро.
И просыпаюсь нехотя. Хотя
Не сплю ни капли.
— Ой ли, Александр?
— Ты мне не веришь? Слово офицера!
— Спокойной ночи — то не про тебя?
— Нет, нет, увы, не про меня. Но цель
Была законна! Лайнер фрицев
Был боевым. Военным кораблем. И точка.
— Боевым.
С детьми. И женщинами. И со стариками.
— Ты хочешь на меня грехи войны списать,
Моя Ундина? О, не торопись.
Уже ты опоздала. Сам себе я
Свой высший суд. И сам себя я
Хоть оправдал, но не простил. С тебя довольно?
Спасибо, кстати, радость, что пришла.

Тут тихий ангел пролетел. Моя Ундина
Молчала долго. Наконец, потупив очи,
Она спросила тихим голосом:
— Скажи мне,
Что было там написано по-русски,
На тех торпедах? Мелом? Зло? Не помнишь?
— «За Сталина!», «За Родину!» Как принято
Перед решающим сраженьем. Эти крики

Немые дух нам поднимали
И заглушали страх.
— Зачем же, смертники, вы не писали «За Любовь»?
— Так разве пишут — «За Любовь»? А мы не знали.
— Когда так пишут, то торпеда сразу
Теряет смертоносный свой запал.
Она становится куском железа
Бесполезным. Ну, а «Густлов»
Куском железа бесполезным не был.
Он домом был всем нам, пока не стал могилой...
— Но «За Любовь» ведь лозунг не войны;
Любовь — послевоенный лозунг. Чтобы
Врага разбить, озлиться надо и возненавидеть.
Иначе миру не бывать.
Сначала — победить. Потом — любить.
— Мне лишь тринадцать. Пусть и навсегда.
Я лишь любить училась,
И до ненависти лютой
Мне было далеко. Да и зачем?
Ты шел через войну к любви, а я с рожденья
Постигла эту истину простую.
Я — девочка. Была. До той «атаки века».
До апокалипсиса. Нет, ты дьявол, Маринеско.
Детей погибло много тысяч.
Ведь это целый город, Александр Иваныч,
Страна большая. Что там — целый мир!
Под корешок ты рубанул отменно, Маринеско.
— Ундина, ты на Леонору милую
Похожа. Когда злишься.
— Кто такая?
Очередная верная твоя любовь?
— Нет-нет, любовь навеки. Дочь она моя.
Но есть еще и Танечка, Танюша...

— И тоже шведка? Что за совпадение!
— Моя Ундина, полно. Танечка — моя душа.
Моя дочурка нежная.
— И значит, представить можешь ты себе легко
Все наши чувства с мамой.
— Да, легко. Не представляешь, как легко.
— Ещё кого любил?
— Ещё была Валюша. Нет же, целых две
Валюши. И ещё... И много я кого любил, Ундина.
Я за любовь сражался — вот в чём штука.
— Неправедными средствами сражался.
— Ты говоришь, как политрук. Но ты же девочка,
Ундина! А про средства... Они были законны.
И не я законы те писал, а бог войны. И Родина.
— Скажу я так: ты слишком многих
Любил. Да, слишком многих. Хотя мне дела нет.
Да и самой меня не существует.
— Не говори так, умоляю. О, не надо!
Ты для меня реальней всех живых.
— Ну, слушай же, что я скажу тебе, живая.
Не обижаться только, чур. А впрочем,
Тебе решать. Готов ты слушать?
«За Родину!», ты говоришь. И что ж твоя страна?
Что родина? Она ведь и сгубила
Тебя своей «атакой века». Верно?
И поделом! Про «аз воздам» ты слышал?
— Не Родина меня сгубила! Нет!
— Но ты ведь не «Герой»!
— Не Родина!
— А не «Герой» — так самозванец.
Кровопийца! И ворюга!
— Не Родина! Мне Родина — прости,
Как я простил ей всё. И даже больше.

Но есть хмыри и упыри — вот их-то
Я не прощу уж никогда. И ни за что.
А «именем народа» —
Они умеют это исполнять.
Вот их бы всех на «Густлов» — и рука б,
Не дрогнула, клянусь. Фашистов хуже
Рои завистников, так плавающих мелко.
— Ты это смог бы. Ты — морской убийца.
Ты гениально одаренный дьявол.
— Ты ошибаешься. Хотел я в море
Ходить, быть моряком. Но не военным.
Торговым, например.
— Торговым. Мирным. Ой ли!
Сомнение терзает тут меня.
Ты прирожденный хищник, ты из тех,
Позволено кому не думать, нажимая на гашетку.
Позволено приказы выполняя, тем совесть очищать.
Позволено вам быть не человеком,
Но воином, убийцей хладнокровным.
Вы хладнокровные и есть, герои! Гады!
Я ненавижу вашу доблесть подлую.
Довольно! Сколько нас, убитых,
Придёт к своим убийцам! Но вы тоже
Убиты все, убийцы. Мертвецы вы.
Вот правда в чём — и на земле,
И выше. И во глубине. И — и везде.
И это правда всех убитых. Не убийц.
— Довольно! Стоп! Я, командир подлодки К-13,
Приказываю вам, Ундина, бросить
Все эти мысли вредоносные,
Ведущие не в рай, но в ад.
— В пучину,
Сказать хотели вы, маэстро Маринеско?

А кстати, что есть Маринеско,
Как не пучина моря? Как не бездна
Морская? Как не впадина на теле бездны?
Маринеско Александр Иванович, так ли?
— Ундина, стоп! Ты не беси меня!
Ведь скор я на расправу, и до трёх
Считаю я единым махом.
— Так говорят машине, Маринеско, — «Стоп!»
Машине, Александр Иванович, дражайший.
А нам, ундинам, все команды ваши
Влетели в ухо — и не задержались,
Нелепые и жалкие словечки,
Бодрящие матросов и старшин. «Стоп, стоп...»
Командуйте своим старлеям, а также адмиралам.
— Извиняюсь. Я горяч. Бывает.
— Вы извиняете себя, как вижу.
— Нет-нет, прошу у вас прощенья.
— Прощения просите у Мадлен голубоглазой
И у дочери её.
— Так я же и прошу!
У вас и у неё. Иль вы не дочь её?
— Ундиной я зовусь, я — дочь всех матерей,
Погибших со своими дочерьми,
Я — та... А впрочем, не дано понять вам, мой капитан,
Третьего ранга капитан.
— Не говори, что не живая ты, Ундина!
— Опомнитесь, безумец Маринеско,
Герой и дьявол, Александр Иванович.
— Да, да, конечно. Я в порядке, полном
И окончательном порядке. Я надеюсь.
— Тебе нужна психиатрическая помощь,
Мой капитан.
— Нет, чур меня!

Спаси и сохрани от этих санитаров!
Уж лучше сразу — в петлю. Так спокойней.
— Уж лучше в море. Я шучу.
Ох, что-то я шучу немало нынче.
Ох, что-то весела я чересчур.
Да ладно. Ведь могу себе позволить
Хоть изредка, хоть что-нибудь такое
Невинно женское, пусть женщину во мне убили.
Ах, Маринеско, вы не убивайтесь так. Бывает,
Как вы изволили сказать. С кем не бывает?
Теперь моё последнее желанье:
Давай продлим очарованье —
Давай продолжим наши сны и наши встречи?
Что скажешь, Александр?
— Откуда имя
Моё ты знаешь?
— Кто ж его не знает?
Герой ты, и увековечен.
Спроси любого — и тебе ответят:
«Как вы сказали? Маринеско Александр? Герой!»
Не то, что я, безвестная, и в лету,
Безвестно канувшая — в море
Балтийское, хотела я сказать.
В залив прелестный Данцигский. В пучину.
Так что же, капитан, мне завтра приходиться?
— Прошу я! Умоляю! Буду ждать я.
Вот только боль акулою мне впиалась
Под левый бок. Торпедою-занозой
Пронзен. Стоять нет мочи. Принужден я
Прилечь. Тельняшка жмет.
До завтра.
Если доживу...

Я, Александр Иванович Маринеско,
 При трезвой памяти, уме неповреждённом,
 Пишу своё предсмертное письмо
 Химическим карандашом —
 Моей Ундине. Ей лишь в руки
 Клочок бумаги должен сей попасть.
 Секретно совершенно. Даже рыбам
 Я не доверил бы своих каракуль вопль.
 Знать не должна душа живая ни одна
 В подлунном и бездонном нашем мире,
 О чём мы с нею говорили откровенно.
 Признание совершить хочу и тем облегчить душу.
 Я умер в пятьдесят. Советский офицер.
 Отец мой был румын. Из рода Маринеску.
 Мне на роду написана связь с морем,
 С глубинами его. И тайнами.
 Подводником родился я на свет.
 И потому на острие атаки века
 Был профиль мой. Я вопреки приказу
 Смнил свой курс. И вот на горизонте —
 Громада «Густлова». О, фон Вильгельм!
 Какая, брат, удача! Цель какая!
 Убит ты будешь дважды. А претензии — к судьбе.
 Все три торпеды аккурат легли по ватерлинии.
 Все три торпеды — враз! —
 Попали в цель.
 И цель та — я.
 Я, Маринеско Саша,
 Рождённый в городе Одессе,
 В году двенадцатом. Полвека прожил. Год за десять.
 Но разве это возраст для героя?

Хотя мне кажется, что пал я жертвой
Атаки века, задолго до похорон —
Ещё тогда, в блестящем сорок пятом.
Комдив Орёл, мой адмирал, к Звезде
Меня представил. Только адмиралы
Другие попадались. И они повычитали
Из подвига вину —
Не перед ВМФ, как им казалось,
А перед... В общем-то, вину перед тобой,
Моя Ундина. Это справедливо.
Я не ропщу. Я — не Герой
Советского Союза. И атаку века
Теперь уж обратили на меня
Согласно правилам военного искусства.
И я, подобно «Густлову», иду ко дну.
Герои долго не живут. Такая вот история.
«Эска»-13 — это не малютка!
Тринадцать было экипажей «эсок»,
Тринадцать субмарин. Одна лишь уцелела.
Под номером тринадцать. Как понять всё это?
Судьба здесь или счастье?
Непруха или фарт?
Того не знаю я. Но адмирал мне верил.
И шведка верила, красавица, блондинка.
«Её любил ты?» - голос слышу твой, моя Ундина.
Не знаю я. Вот право слово. Я всегда
Был офицер. Женат я был на долге,
С приказом обручённым. Это правда.
Но я не совесть очищал, приказы выполняю,
А брал ответственность. Такой вот роковой нюанс.
Всё это, собственно, тебя не воскресит, моя Ундина.
Я это знаю. И... мы оба это знаем. И...
Да что там говорить.

Прости, что не дождался.
Прости, что не сказал всего,
Что мог еще и должен был сказать.
Прости.
И — честь имею!

PS. SOS, SOS, SOS...

6

PPS. И вечер пал. И выл гудок. Игрушечный.
Пришла Ундина в сон пустой и горький
Привычную тропой. А Маринеско...
Его уж не было. Уже уплыл он, своевольно
Сменив свой курс и своенравно
Бессмертье променяв на вечность.
И прощенье, которое она несла с собой,
Уж было лишним. И безадресным.
И ждал её сюрприз: она хотела,
Сама того не ведая, прощенья
Затребовать у капитана.
Капризное и странное желанье,
Запретное, быть может, даже в чём-то
И бессердечное! Но честное.
А он бы оценил. Он бы всё понял. Но —
Увы! И из пустых глазниц закапали
Горячие слезинки, добавляя
И горечи, и соли в море,
Не облегчая горя, но напоминая
О нём всем тем, кто вопреки всему
Избрал стезю героя.
«Маринеско!

Зачем ушел из снов
Моих ты навсегда?
Письмо твоё я получила;
Но ты не попрощался, как того желал,
Не отпустил, а — привязал меня сильнее.
Зачем ты так со мной?
Я знаю: убивая мамочку, Мадлен,
А с ней меня, голубоглазую Ундину,
Ты убивал себя, спасая остальных,
Чьё имя — все.
Ты поступал по совести
И следуя приказу. Мир спасал ты,
Спасителю подставив
Своё плечо в погонах, со Звездой.
И чувство долга, уж конечно,
Тобой довольно, и сполна.
Гордилась я б таким отцом! Ты слышишь?
Да, правда есть, хоть правда непроста:
И горькая, и сладкая, и с солью.
Но... правда правд ты знаешь, в чём, мой капитан?
Война пусть никогда не повторится.
Далее
Слова бессильны.
Всё.
Прости.
Прощай.
Твоя Ундина».

22-24 марта 2017

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
Железная дорога.....	7
Ещё один памятник	7
***Вот приду я осенью к вам на расставанье... ..	13
***Пять утра. Опять приходят строчки... ..	13
***Существуют всюду правила, увы.....	14
***Поэт опасен? Это просто басни... ..	15
К вопросу о культурной ценности поэтического бреда.....	16
Омлет и балет	17
Разговор со смертью.....	18
Рождество	20
Про мирское.....	20
Нам	22
Сусанину	23
Заблудший пастух.....	24
Сакральное	24
Романс.....	25
Сонет.....	26
Теорема сонета.....	27
***На улице валит мокрый снег (из романа «Гармония — моё второе имя»)	28

***Сегодня тринадцатое число (из романа «Гармония — моё второе имя»)	29
Троль	29
Кто виноват?	30
Сова Минервы	31
Везувий	32

КРАТКО

О мотыльках	37
***Пишутся стихи	37
***Покой и воля	37
***Поэт и смерть	38
Эпиграмма	38
***Стихом, каким угодно белым... ..	38
***Серым по серому	39
***Молодость — время разбрасывать камни	39
***Прыгай в море!	39
***Стихия — это стих	40
***«Лета к суровой прозе клонят...»	40

ВЕРЛИБРЫ

Завистникам	43
***В вашем удивительно устроенном мозжечке... ..	44
***В искусстве мыслить я настолько уважаю форму... ..	44
***Вас раздражает моя манера быть правым?.. ..	44
Истина в вине	45
Красота	46
Поэзия	46
Поэт	47
Поэты как дети	47

ПОСВЯЩЕНИЯ

Доченькам	51
Жене	52
Алексею Иванову	53
Алексею Иванову	53
***Чую смущённой душой... ..	54
Анатолию Аврутину на его «шешелетие»	55
Олегу Борушко.....	55
Борису Бартфельду.....	56
Сергею Курашу	57
«УНДИНА. Монолог Маринеско».	
НОВЕЛЛА В СТИХАХ	61

Литературно-художественное издание

АНДРЕЕВ Анатолий Николаевич

**СКВОЗЬ МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ —
ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА**

Книга стихов

Ответственный за выпуск *Е. С. Патей*
Редактор *А. Н. Андреев*
Компьютерная вёрстка *Е. А. Веретенникова*

Подписано в печать 30.03.2018. Формат 60 × 84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 4,88.
Уч.-изд. л. 3,71. Тираж 100 экз. Заказ 14105.

16+

Издатель и полиграфическое исполнение:
общество с ограниченной ответственностью «Колорград».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/471 от 23.12.2015.

Пер. Велосипедный, 5-904, 220033, г. Минск,
www.сегмент.бел